

Интернационал Молодежи

(немецкое издание)

**Боевой и пропагандистский орган
Международного Союза Социалистических Организаций Молодежи.**

№ 8

Цюрих, 1 мая

1917 г.

Вехи революции.

1. Могильщики революции.

Когда в августе 1914 г. II Интернационал распался, как карточный домик, когда известнейшие рабочие вожди впряглись в колесницу империализма, классовая борьба прекратилась, и на ее месте воцарился мир со злейшими врагами пролетариата, и никакое злодеяние, совершенное своим правительством по отношению к «враждебному» народу, уже не вызывало протеста пролетариата. Когда все это произошло, восторжествовал реформизм. Всемирная война показала, какими наивными иллюзиями являлись предсказания реформистов о становящемся, якобы, все более мирным и спокойным развитии человечества. Народы терзали друг друга, как дикие звери. Все их культурное достояние было повержено в прах. Но какое это имеет значение? Внутри каждой страны осыпали похвалами мозолистую руку рабочего, поднимающую молот на амуниционных фабриках и оружие на полях сражения. В «демократических» странах рабочие вожди были приглашены в министерства, в полуабсолютистских же они были по черной лестнице пропущены в передние сильные мира. Представители власти, еще вчера создававшие исключительные законы против рабочих организаций, теперь посещали помещения этих организаций и щедро расточали лестные отзывы. Правда, не были изданы никакие демократические законы, не проведены были никакие социальные реформы и даже существовавшие раньше были «временно» уничтожены во имя успешного ведения войны. Правда, труд был порабощен и тяжесть его увеличилась в десять раз, но зато в будущем обещаны золотые горы...

Сущность реформизма заключается в стремлении путем сотрудничества с буржуазией добиться уступок для слоя рабочей аристократии, квалифицированных рабочих, и участия в управлении страной их вождей. Реформизм этот, перспективы которого все ухудшались за последнее десятилетие, теперь ликовал. Рабочие организации оказались полезными для ведения войны, буржуазия будет принуждена после войны сделать им уступки. Рабо-

чие вожди доказали свой «патриотизм», буржуазия допустила их к господскому столу.

И подобно лакеям, напившимся краденого хозяйского вина, которые, развалившись в господских креслах и раскуривая господские сигары, грезят о господской жизни, рабочие вожди после каждого совещания с военными властями чувствовали себя все сильнее, они чувствовали себя будущими господами и насмехались над старыми «иллюзиями». Революционные романтики и догматики говорили в дрезденской (1903 г.) и амстердамской резолюциях об обострении классовой борьбы и еще уверяли, что общее развитие последних десятилетий подтверждает это..., но посмотрите, не является ли Гендерсон и Тома членами правительства? Не принужден ли... Бетман-Гольвег пожимать руку Эберту и Легину? И даже в царской России не принуждено ли было правительство допустить в военно-промышленные комитеты вождя профессиональных организаций Гвоздева?

Романтики болтали о наступлении периода революции. Но если такое потрясение, как всемирная война, не только не вызвало революции, но еще привело к тому, что рабочий класс сомкнулся вокруг патриотических знамен, что он несет все тяготы, все бедствия на полях сражений, и на фабриках, что он сдает добытые путем тяжелой борьбы позиции, то мы можем радоваться, братья. Революция умерла, похоронена, и ее дух никогда не воскреснет.

Научный социалист по своей природе антиреволюционер, — изрек господин Гейльман, этот вождь немецкого социал-империализма, а его старый проповедник Кольб торжествующе заявил, что период революции отошел в прошлое. Бывший революционер Ленш писал, что господин Бетман-Гольвег сам производит революцию. Он ниспровергает деспота всемирного рынка Англию, и современная революция пролетариата состоит в подводной войне. Бывший марксист Кунов и «австро-марксист» Реннер доказывали, что идея революции сама по себе представляет собой вообще устаревшие бредни. Социализм является организацией производства, а организацию эту отлично проводит современное государство, являющееся не классовым, а хозяйственным государством. Оно теперь с нашей помощью создает предварительные условия для социализма, и мы посрещаем «позитивного сотрудничества», так сказать, «внедримся» в него. Поэтому долой революционные иллюзии, и да здравствует политика 4-го августа.

Ту же песенку пели Тома и Жуо, Биссолати и Муссолини, Вебы и Гендерсоны, допуская лишь один вид «революции» — уничтожение Гогенцоллернов, да и эта должна была быть произведена Жоффром и Эгом, Брусиловым и Кадорна, а не немецким пролетариатом.

Каутские же и Лонге, Аксельроды и Турати, охранявшие «священный огонь» социализма, поклявшиеся зорко следить, чтобы он не угас, эти мужи центра, правда, кричали постоянно, что огонь еще тлеет, он не погас, он горит лишь пока не так ярко, потому что вихрь относит обратно дым, и угольные копи доставляют уголь лишь амуниционным фабрикам. Они клялись всем, что священный огонь когда-нибудь еще будет пылать

ярким пламенем, но в то же время они умоляли теперь не дуть слишком сильно, а то слабый огонь может погаснуть, а во время войны мы не сможем достать нового угля.

Лысые и седобрадые старожилы старого социалистического храма отличались от социал-империализма лишь тем, что они не желали приносить жертвы новому богу гражданского мира, но возможность революционной борьбы против войны за окончание человеческой бойни казалась им бредом воспаленных мозгов. Карл Каутский заявлял, что никогда во время войны трудящиеся не имели сил совершить революцию. Один из последователей Каутского (Спектатор) за месяц до начала русской революции писал буквально следующее:

«Что касается не простых демонстраций, имеющих лишь моральное значение, а настоящей пролетарской массовой борьбы, ее нельзя ожидать слишком скоро. Во всяком случае не сразу после этой войны».

Революционная перспектива уходила у центристов так далеко за моря и горы, что превращалась в отвлеченный религиозный догмат, в простое средство успокоения теоретической совести. Для практики, для повседневной классовой борьбы пролетариата она утратила всякое практическое значение. Война сковывает все активные силы пролетариата. Откуда же взять силы для гражданской войны? «Никакой поддержки войне, но и никакого саботажа»,—эта классическая формула Лаззари, секретаря итальянской партии, лучше всего выражала политику центра, состоявшую в проклятиях, расточаемых империализму, и в парламентских протестах против всемирной войны, но не отводившую никакого места активной массовой борьбе.

Циммервальдская левая со своим лозунгом гражданской войны и революционной массовой борьбы, со своей агитацией за массовую забастовку и демонстрации, со своим требованием революционной агитации в войсках, стояла одиноко на обширном поле. «Сектанты и фантазеры, революционные сорви-головы, не считающиеся с реальными возможностями»,—говорили мягкие люди; «безответственные подстрекатели, революционеры из кафе»,—шипели другие.

И вдруг разразился удар—русская революция.

2. Социалистические паразиты революции.

В разгаре войны, в решающий момент ее развития в Петербурге вспыхивает революция. Она совсем не смущается смертным приговором, вынесенным ей европейским социал-патриотизмом. Взрыва русской революции не задержал даже тот факт, что великий хранитель печати марксизма Каутский, на основании своего устаревшего издания Плетцовского, извлеченного из мировой истории, установил, что никогда во время войны не вспыхивала революция. Издание это очень устарело, так как и первая русская революция началась в 1905 г. также во время войны. И посмотрите, французские, английские и бельгийские социал-патриоты, активно помогавшие царизму, все время

стремившиеся убедить Европу, что он за время войны стал очень либерален и еще основательнее проделает это после нее; до сего времени заклинавшие русских социалистов приостановить борьбу с русским деспотизмом, ибо от нее может пострадать освободительница человечества—Антанта,—эти социал-патриоты теперь возликовали или сделали вид, что ликуют. Пятно с души Антанты, дескать, смыто; ее нельзя уже упрекать в союзе с чудовищем из Невы; теперь Антанта—от Токио, через Лондон, Париж, Рим, боярскую Румынию до Петербурга включительно является союзом демократий, единственной целью которых является уничтожение берлинского, венского и константинопольского султанов. Поэтому теперь конец революции. Она, ведь, уже победила («Вы не должны казнить царя»). Не стремитесь к слишком большим победам на внутреннем фронте, а направьте все силы на внешний. Вот песенка социал-патриота Антанты. Да здравствует революция антантовских победителей.

Социал-патриоты центральных держав при взрыве русской революции сначала слегка вздрогнули. Царизм низвергнут. Нельзя будет уже рисовать на стенах дикого казака, пожирающего свечи, который возбуждал такой страх. Предательский Альбион, конечно, является опаснейшим врагом немецкого империализма, но на воображение народных масс он действует не так устрашающе. И затем действительно несколько неприятно сознавать, что центральные державы являются единственными, где полуабсолютизм не принужден проводиться через скрытый механизм парламента, правительство—через финансовый капитал, как это имеет место во Франции, Англии и Соединенных Штатах Северной Америки, а царит формально и полновластно. И к тому же этот мучительный страх, что «гипнотизирующее влияние русской революции», на которое жалуется консервативная «Дейтше Тагесцейтунг», может привести в движение и немецкие рабочие массы.

Но умный всегда найдет какой-нибудь выход, и даже самая страшная беда может иметь свою хорошую сторону. Господа немецкие социал-патриоты решили признать в русской революции свое собственное законное дитя. Ибо, что сделало ее возможной? То, что Гинденбург разбил царские войска. Правда, Гинденбург был бессознательным орудием русской революции, так как совсем не имел задания основать республику на Востоке, поясняют Гейльманы, но они-то сами являлись вполне сознательными орудиями Гинденбурга, так как они желали победы немецкого империализма и поддерживали его. Без политики 4 августа, поставившей массы под начальство Гинденбурга, не было бы победы при Танненберге, не было бы прорыва у Горлиц, без торжества у Горлиц не было бы свержения царизма. Вывод ясен для всякого. Когда болгарский посланник Ризов написал в «Берлинер Тагесблатт», что над русской революцией витает дух Маркса, это было очень некрасиво со стороны дипломата союзной державы. Не дух Маркса, а дух Гинденбурга витает над русской революцией, а господа Гейльманы и Шейдеманы являются его провозвестниками. Поэтому воздайте честь тем, кто

ее заслужил, а вы, немецкие пролетарии, твердо придерживайтесь политики 4 августа.

Но так как всякая услуга нуждается в вознаграждении, русская революция должна помочь центральным державам выбраться из лужи, в которую они сели, и поскорее заключить с ними хороший мир. Ведь присоединение к войне Соединенных Штатов сделало виды на победу еще иллюзорнее, чем они были, а «серая священная подводная лодка», по определению социал-патриота Кестера, оказалась более чем проблематичным носителем мира.

Русская революция, от которой социал-патриоты Антанты ожидали ускорения победы Антанты, согласно надеждам социал-патриотов центральных держав, должна была спасти эти державы от поражения. Поэтому социал-патриоты Антанты желали обуздать революционные силы России в то время, как социал-патриоты центральных держав молились за их победу.

Бедняги! Проявив себя во время войны, как верные рабы капитала, они оказались не в состоянии понять ни сущности русской революции, ни ее последствий. Социал-патриоты рассуждали, как капиталистические правительства, желающие использовать все происходящее, все идеи, все изобретения лишь для своего кровавого дела и полагающие, что они в состоянии сделать это. По ту и по эту сторону Вогез они вели переговоры с царем или готовы были сделать это. Теперь эти гонители и предатели своей собственной революции пожелали заключить с русской революцией сепаратный мир. Но русская революция должна развиваться согласно собственным железным законам, и идея использовать ее могучие волны для маленьких мельниц воюющих держав была так же умна, как если бы кто-нибудь вздумал построить мельницу под Ниагарским водопадом.

3. Природа русской революции.

Во время первой русской революции ее вожди очень много спорили об ее характере. Является ли она по своим двигательным силам буржуазной или же пролетарской революцией? Какие окончательные выводы нужно сделать для дальнейшего ведения борьбы рабочего класса? Эти спорные вопросы разрешены теперь русским святейшим синодом, который, согласно старой церковной традиции, преклоняется перед победителем и об'являет это делом божьим. Но святейший синод имеет силу разрешать лишь сомнения и вопросы своих православных верующих. Мы, остальные, должны опять вернуться к спорному вопросу, какова природа русской революции?

Ни в одной из буржуазных революций движущей силой не являлась крупная буржуазия. Начиная с нидерландской революции 1565 г. и кончая немецкой революцией 1848 г., господствующий слой буржуазии являлся, по словам великого Марата, упрямым ослом, которого приходилось погонять. При всех революциях буржуазия боялась окончательно порвать со старой властью, трепетала перед народными массами, которые, раз приведенные в движение, не желали довольствоваться тем, что своей кровью добыли буржуазии власть.

Таким образом, если бы вопрос был в том, из кого состояли во время революции революционные армии, чьими трупами покрывались поля сражений при гражданских войнах, то оказалось бы, что буржуазных революций вообще никогда не было. Всегда это были пролетарские и мелкобуржуазные народные массы, которые история заставляла проделывать революционные прыжки.

Русская революция 1905—1906 гг. так же, как и революция 1917 г., видела в рядах своих борцов лишь отдельных людей, принадлежавших к крупной буржуазии, и ни одного представителя ее класса. Решительные удары в 1905 году были нанесены массовыми забастовками рабочих и попытками крестьян отнять помещичьи земли. Промышленная буржуазия не только была готова пойти на всякий компромисс с царизмом, но прямо молила о нем. Октябристы, об'единившиеся с царем сейчас же после лживого манифеста 17 октября 1905 года, являлись не только представителями дворянства, но и представителями крупной промышленной буржуазии. И если царизму удалось в 1906—1907 гг. подавить революцию, то этим он обязан, в первую голову, поддержке крупного капитала.

Быстрая победа революции в марте 1917 г., поспешность и грация, с которой именно представители крупного капитала—Гучковы, Терещенко, Коноваловы—вскочили на этого конька, создали впечатление, что именно буржуазия—в лице своих верхов—является носителем революции. Но мнение, что буржуазия являлась движущей силой революции в марте 1917 года, и что эта революция, по своей исторической сущности, являлась возмущением буржуазии против царизма, неспособного победоносно вести войну, это мнение, представителем которого под влиянием первых известий, стал-было даже Франц Меринг, в действительности оказалось сущим мифом. Буржуазия хотела добиться у царя империалистического буржуазного министерства, рабочие на улицах боролись за ниспровержение царизма. Не империалистические генералы, а рабочие и солдаты присоединились к борющемуся народу, чтобы вместе с ним добиваться хлеба, свободы и мира. И в то время, как они проливали на улицах кровь, либеральная буржуазия делала попытки заключить компромисс с династией. До разрыва с царем и образования временного правительства дело дошло лишь тогда, когда рабочие и солдаты окружили думу. И то, что показали первые дни революции, подтверждалось с каждым днем и впоследствии. Опорой этой революции являются пролетариат и мелкобуржуазные народные массы города и деревни. Буржуазия же—это паразит революции.

Если она теперь выступает радикальнее, чем в 1905—1906 гг., то лишь потому, что благодаря десятилетней работе истории, десятилетней работе, из которой 2½ года войны можно считать за четверть века, падение царизма и победа революции, каковы бы ни были дальнейшие судьбы ее, на этот раз окончательны.

Поскольку вопрос идет об активном участии буржуазии в революционных боях, буржуазной нельзя назвать ни одну революцию, а менее всего русскую. Буржуазный или не буржуазный ха-

рактер революции должен, следовательно, определяться по другому признаку, а именно, по тому, каковы есть или каковы должны быть объективные результаты революции.

Революции XVI, XVII, XVIII и первой половины XIX вв. были буржуазными революциями, так как их единственным результатом было то, что они проложили дорогу капиталистическому развитию. Все политические и хозяйственные мероприятия этих революций создавали условия, при которых могли развиваться лишь капиталисты и капиталистическое хозяйство. В виду того, что дело обстояло так, и в виду того, что еще не существовало настоящего промышленного пролетариата, эти революции были буржуазными революциями и иными быть не могли. Эти революции закончились июньской битвой 1849 г. в Париже, когда буржуазия разбила наступающий вслед за ней пролетариат, пытавшийся повести революцию дальше ее буржуазных целей. Это был большей частью не фабричный пролетариат, — ему недоставало ясности мышления, он был неорганизован, но все же он представлял собой сознающую свои интересы рабочую массу, видящую в капитализме своего врага. С этого времени в Европе не было больше буржуазных революций. Буржуазия достигла власти, рычаг капиталистического развития находился в ее руках и она ставила себе целью подавление пролетарской революции.

Эра революций, носящих чисто буржуазный характер, наступила затем лишь в странах с молодым капитализмом: в Персии, Китае, Турции. Кто называет русскую революцию буржуазной, тот ставит Россию на одну ступень с этими восточными странами. Но Россия принадлежит к Европе. Русское сельское хозяйство, правда, носит еще несколько феодальный характер, в населении России преобладает крестьянство, но, вместе с тем, в России имеется в высшей степени развитая и сконцентрированная промышленность, с миллионным пролетариатом, уже двадцать лет ведущим жесточайшую классовую борьбу и пережившим уже раз революцию и контр-революцию, — с пролетариатом, который во время войны первый поднял знамя войны гражданской.

Как бы мало ни было процентное отношение русского рабочего класса ко всему населению России, он сыграл в этой революции, как и в предыдущей, роль, сильно превосходящую его численное значение. Это вызвано преобладанием города над деревней, овладением телеграфом и железной дорогой. Значение рабочего класса в этой революции увеличивается еще в десятки раз не потому только, что он за эти годы невероятно многому научился, но в первую голову потому, что революция началась во время войны, исход которой зависит от производства амуниции. Даже в том случае, если бы буржуазии удалось переманить на свою сторону часть солдат-крестьян, она все же не смогла бы повторить июньских дней 1849 года, не повредив войне. До тех пор, пока она питает надежду приблизиться к своим военным целям, она будет делать уступки рабочему классу, будет пытаться покорить его не с помощью пулеметов, а с помощью социал-патриотизма.

Уступки, которые буржуазия благоволит делать пролетариату, имеют свойство не удовлетворять его. Он продолжает революцию. Он осмеливается нарушить святыню всякой буржуазии — «порядок» на фабриках и в армии, пытаясь как здесь, так и там демократизировать правление: избрание офицеров солдатами, должностных лиц на фабриках — рабочими. И все это не когда-нибудь, в далеком будущем, а теперь, сейчас же, во время войны, когда буржуазия видит в каждой задержке доведения прибыли и производства покушение на самые основы общества. Продовольственный кризис, взвинчивание цен военными спекулянтами приведут пролетариат к требованию все более драконовских мер. Неохотное исполнение требований рабочих временным правительством будет все более обострять конфликт между ними. Вопрос о заключении мира доведет этот конфликт до высшей точки.

Согласятся ли Милюковы и Гучковы, главным обвинением которых против царизма было то, что он недостаточно хорошо организовал человеческую бойню, согласятся ли они теперь, под давлением рабочих масс, отказаться от своих империалистических военных целей? Согласятся ли они порвать с Англией и Францией и окончательно потерять и так уже очень слабые виды на дальнейшую финансовую «поддержку» Антанты? Империалистическая буржуазия решится на мир лишь под очень большим давлением рабочих масс, лишь в том случае, если она будет поставлена перед альтернативой: передача власти пролетариату или мир. Это давление будет состоять в борьбе рабочего класса с временным правительством, в борьбе, которая уже начинает развиваться, и при которой все частичные конфликты сольются и превратятся в полную противоположность интересов.

Достаточно ли быстро буржуазия окажется готовой на компромисс заключения мира, — это большой вопрос. Если она это сделает и, поддерживаемый недовольным крестьянством, теперь военно-организованным, пролетариат станет у власти, он не сможет сделать ничего иного, как проводить мероприятия для перехода к социализму. Как он может прекратить спекуляцию военных поставщиков, не захватив в свои руки банки и не организовав сельскохозяйственного производства? Как он может урегулировать вопрос промышленного производства, если не введет на фабриках демократизма и не поручит управление ими государственным уполномоченным?

Очутившись хотя бы на короткое время у власти, русский пролетариат не может не начать шаг за шагом проводить в производстве социализм. Он должен будет сделать это не из логических соображений, так как, очутившись у власти, он не потерпит над собой никаких деспотов, но под давлением нужды и стремления уничтожить ее. Но предположим, что, — а это весьма возможно, — все прибывающие силы пролетариата склонят русскую буржуазия и Антанту к миру, что подготовляющийся огромный конфликт между русской буржуазией и пролетариатом не наступит до окончания войны, и что при заключении мира буржуазия бу-

дет еще находиться у власти. Тогда перед нею встанут чудовищные задачи: доставить работу возвращающимся рабочим, оделить земель крестьян и снабдить хлебом все население. Все это она должна произвести, придавленная тяжестью стомиллиардного долга в стране, производительные силы которой она не в состоянии быстро восстановить. Все грехи царизма, все последствия войны, за которую она ответственна наравне с царизмом, обратятся против нее. Если до окончания войны Милюковых и Гучковых не постигнет участь царизма, борьба пролетариата против них начнется на другой день после подписания мира.

По своему объективному смыслу эта борьба является борьбой пролетариата за социализм. В какие переходные формы выльется в ходе борьбы социалистическое промышленное производство при временном сохранении мелкого производства в сельском хозяйстве и не закончится ли эта борьба временным поражением пролетариата, сейчас никому неизвестно. Да этого и не нужно знать для определения характера совершающейся русской революции. Это социалистическая пролетарская и вместе с тем крестьянская мелкобуржуазная революция. Это кажущееся логическое противоречие вытекает из условий русской жизни. Россия это страна с очень отсталым сельским хозяйством и сравнительно высоко развитой промышленностью.

4. Русская революция и европейский пролетариат.

Капиталистическая Европа и ее социал-патриотические прихвостни заявляют: да, Россия—это совсем другое дело. Целью этой революции являлось свержение царизма или, как выразился представитель правого циммервальдского крыла Роберт Гримм, она должна проводить на Неве основания швейцарской республики, т.-е. установить господство буржуазии с призывом на военную службу бастующих рабочих, с воспрещением демонстраций и со всеми прелестями псевдо-демократии, искаженной капитализмом. А так как в Западной Европе эти прелести уже существуют, так как даже немецкая буржуазия теперь более или менее готова ввести их, то как социал-патриоты Антанты, так и социал-патриоты центральных держав надеются избежать у себя революции, которая так нравится им в России.

Неосновательность этих надежд обнаружилась еще во время короткого периода первой русской революции 1905—06 гг. Еще тогда пламя русской революции начало перебрасываться в Европу. Австрийское правительство, ввиду революционного настроения пролетариата, оказалось вынужденным ввести всеобщее равное избирательное право, которому оно долго противилось. В Пруссии рабочий класс выступил на улицу, во Франции он пытался революционным путем ввести восьмичасовой рабочий день. И хотя подавление русской революции нанесло удар революционному движению других стран,—удар, который был быстро использован оппортунистами в лице реформистов и представителей центра для окончательного уничтожения начинающегося революционного массового

движения, все же революционный кризис в Европе перед войной заметно обострился. Англию залила волна забастовок, какой она не видала со времен выступлений чартистов. Дороговизна, картелизация производства и расходы по вооружению поставили немецкий пролетариат перед дилеммой—либо перейти к тактике революционной массовой борьбы, либо позволить ухудшить условия существования. Короче говоря, уже до мировой войны в Европе назревали крупные революционные столкновения. Эпоха империализма является вместе с тем эпохой начала социалистической революции, так как она возлагает на пролетариат такие тяготы, которые нельзя уничтожить никакими демократическими реформами, и так как состояние промышленности в главных капиталистических государствах, ее централизация и техническое развитие делают вопрос перехода к социализму вопросом силы. Раз приведенный в движение, пролетариат Средней и Западной Европы необходимо должен провести борьбу за экспроприацию капитала и за социалистическую организацию производства.

Так стоял вопрос уже в то незапамятное мирное время сравнительно спокойного развития, которое предшествовало войне. Но теперь мы имеем за плечами больше двух с половиной лет войны с такими хозяйственными, политическими, социальными и психологическими переменами, которые вообще с трудом можно было провести в течение четверти века, в высшей степени централизованную промышленность, объединенное военное производство. Гигантская подготовительная работа для социализма произведена, таким образом, империализмом. Часть среднего сословия уничтожена, брошена в ряды пролетариата и проникнута озлоблением, свойственным деградирующему классу. Пролетариат превращен в раба колоссального производства, скован цепями милитаризованного труда; его организации обескровлены, в то время как крупный капитал, благодаря всем военным переменам в производстве, напротив, механически организован и укрепился. Демократические законы растоптаны. Чудовищная задолженность обрекает рабочих и мелкую буржуазию на существование рабов, которые половину года должны трудиться для уплаты налогов, по покрытию государственного долга. Дороговизна, вызванная опустошением полей, истреблением скота и обесценением денег, вырывает у них изо рта последний кусок хлеба. Вот в каком положении очутится пролетариат, если война закончится без европейской революции, и он, наконец, возвратится с полей сражения в родной дом, на пороге которого он встретит мучительный вопрос: как достать работу? Как бы ни закончилась мировая война, она приведет к пролетарской, к социальной революции.

Если уж русская революция в 1905 г. имела значение не только для России и выросла не на чисторусской почве, то это нужно приписать особенностям русских отношений. Особенное положение России, полная непригодность, обнаруженная царизмом в империалистической войне, существование недовольного крестьянства лишь ускорили

взрыв революции. Вызвана же она была нуждой, голодом, возмущением войной, т. е. общеевропейскими обстоятельствами. Как сегодня в России, точно так же завтра революция может вспыхнуть в другом из воюющих государств. Об'ективное положение в Европе в настоящий момент революционнее, чем когда бы то ни было. Капитал стоит на вулкане. Эра социальной революции в Европе открыта.

Злодеи, столкнувшие человечество в эту пропасть, чувствуют, как почва колеблется у них под ногами. Апрельский манифест немецкого кайзера лучше всего доказывает это. Все расчеты Антанты использовать русскую революцию в целях своей победы, как и расчеты центральных держав использовать ее для своих «мирных целей», производятся без хозяина. При настоящем положении вещей дело идет не о войне и мире, не о победе и поражении. Это вопрос жизни и смерти европейского капитала, вопрос социализма или капитализма, это вопрос социальной революции.

Карл Радек.

Прощальное письмо к швейцарским рабочим.

Товарищи, швейцарские рабочие!

Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Р. С.-Д. Р. П., об'единенной Центральным Комитетом, в отличие от другой партии, носящей то же самое название, но об'единенной «Организационным Комитетом», шлем вам братский привет и выражения глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если открытые социал-патриоты и оппортунисты, швейцарские «грютлианцы», перешедшие, как и социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди открыто приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение, если прикрытые социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии, вели в прикрытой форме такую же политику,—то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистической точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекали для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны в выступлениях по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые в числе едва ли больше, чем 10—15 человек, были членами швейцарской рабочей партии, считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного и социалистического движения

решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения «Циммервальдской левой», решительно бороться не только против социал-патриотизма, но и против направления так называемого «центра», к которому принадлежат Р. Гримм, Ф. Шнейдер, Я. Шмидт и др.—в Швейцарии, Каутский, Гаазе, «Арbeitsgemeinschaft»—в Германии, Лонге, Прессман и др.—во Франции, Сноуден, Рамзай Макдональд и др.—в Англии, Туратти, Тревес и их друзья—в Италии, названная выше партия Организационного Комитета (Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Скобелев и др.)—в России.

В последний момент нашего проживания в Швейцарии мы посылаем братский привет тем революционным с.-д., которые боролись за требование созыва на апрель 1917 г. с'езда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, которые вносили на цюрихском кантональном с'езде в Тоссе резолюцию юношества и левых по военному вопросу, которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на немецком и французском языках «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники.

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистическое правительство Англии ни за что не пропустит в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников продолжения Россией империалистической войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем необходимым сделать это, так как через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор сравнительно большей политической свободой.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в центральном органе нашей партии, в газете «Социал-Демократ», издававшейся в Женеве, в № 47 от 13 октября 1915 г. Мы сказали там, что если в России победит революция, и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистическую войну, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д., и т. п., то мы будем против такого правительства.

Это приблизительно случилось. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие решающие посты принадлежат монархистам Львову и Гучкову, это правительство пытается обмануть рабочих посредством лозунга: немцы должны свергнуть Вильгельма (правильно, но отчего бы не добавить, англичане, итальянцы и др.—своих королей, а русские—своих монархистов Львова и Гучкова). Это правительство пытается посредством такого лозунга и не публикуя тех империалистических, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией,

Англией и пр., и которые подтверждены правительством Гучкова, Милюкова, Керенского, выдать за оборонительную (т. е. справедливую, законную, даже с точки зрения пролетариата), свою империалистскую войну с Германией,—выдать за защиту республики (которой в России еще нет и которую Львовы и Гучковы даже и не пообещали еще учредить), защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и проч.

Если правдивы последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде Плеханова, Засулич, Потресова и т. д.) и партией центра, партией Организационного Комитета, партией Чхеидзе, Скобелева и пр., произошло нечто вроде сближения на почве лозунга: пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной,—если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и пр., борьбу, которую мы раньше всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение. Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова—Милюкова. Обманывает народ тот, кто говорил, что такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно гучковское правительство вело уже переговоры о восстановлении монархии в России. Только вооружение и организация пролетариата способны помешать Гучкову и К^о восстановить монархию в России. Только остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России и всей Европы способен избавить человечество от ужасов империалистской войны.

Мы не закрываем глаза на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистическим авангардом пролетариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны самые крутые и быстрые перемены. В № 47 «Социал-Демократа» мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти тотчас? Мы ответили: 1) мы немедленно предложили бы мир всем воюющим народам; 2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении всех колоний и всех угнетенных и неполноправных народов; 3) мы немедленно начали бы и довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами; 4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы неприемлемы не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, и не только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную борьбу против немецкой—и не одной только немецкой—буржуазии. Мы повели бы ее. Мы—не пацифисты. Мы—противники империалистских войн, войн за раздел добычи между капиталистами, но мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат отказался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма.

Задача, которую мы выдвинули в № 47 «Соц.-Дем.», гигантски велика. Она может быть решена только в длинном ряде великих классовых боев между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а объективные условия, созданные империалистской войной, завели все человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру, или передать власть во всех цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций, с объективной неизбежностью порожденных империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, менее подготовлен и менее сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, быть может, очень короткое, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия—крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции.

В борьбе за эти идеи, правильность которых всецело подтверждена опытом 1905 г. и весны 1917 г., сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи мы будем бороться впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса может довести неизбежный и назревший аграрный переворот до конфискации всего необъятного помещичьего землевладения. Этот лозунг выставляли мы всегда и его выставили теперь в Петербурге и ЦК нашей партии, и газета нашей партии «Правда».

За этот лозунг будет бороться пролетариат, насколько не закрывая глаза на неизбежность ожесточенных классовых столкновений между сельскохозяйственными наемными рабочими и примыкающими к ним беднейшими крестьянами и зажиточными крестьянами, которых усилила столыпинская (1907—1914) аграрная реформа. Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата в первой думе (1906) и во второй (1907) выдвинули революционный аграрный проект, требующий национализации всех земель и отдачи их в распоряжение местных комитетов, выбранных на основе полного демократизма.

Подобный переворот сам по себе отнюдь не был бы еще социалистическим. Но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позицию социалистического переворота в России и его влияние на сель-

скохозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революционные организации, как Советы Рабочих Депутатов, заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести под давлением невыносимо тяжелой империалистской войны и ее последствий ряд революционных мер для контроля за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее. Он может облегчить обстановку для вступления и решительные битвы своего главного, самого надежного союзника, европейского и американского социалистического пролетариата.

Пусть маловеры предаются отчаянию по поводу временной победы в европейском социализме таких отвратительных лакеев империалистской буржуазии, как Шейдеманы, Легины, Давиды и К^о—в Германии, Самба, Гед, Ренодель и К^о—во Франции, фабианцы и лейбуристы—в Англии. Мы твердо убеждены, что эту грязную пену на волне всемирного рабочего движения сметут быстро волны революции.

В Германии уже кипит пролетарская масса, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной, организационной работой, в течение долгих десятилетий европейского затишья 1871—1914 гг. Представителями будущего германского социализма являются не Шейдеманы, Легины, Давиды и К^о и не такие колеблющиеся, придавленные рутинной мирного периода политики, как Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало группу «Спартак», которое вело пропаганду в берлинской «Арбейтерполитик».

Объективные условия империалистской войны служат порукой в том, что революция не ограничится первым этапом русской революции, что революция не ограничится Россией.

Немецкий пролетариат вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 г. лозунг превращения империалистской войны в гражданскую войну угнетенных против угнетателей за социализм, этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептически, бесхарактерно выжидательным молчанием с.-д. центра. Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его сумасшедшим, а представитель русского и англо-французского социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, г. Плеханов, назвал его бреднями. А представители центра отделивались молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой прямой линии, проводимой в безвоздушном пространстве.

Теперь, после марта 1917 года, только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистической войны в гражданскую становится фактом.

Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей членов Р. С.-Д. Р. Партии (Объединенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля н. ст. 1917 г.

Н. Ленин.

Через гражданскую войну к равноправию женщин.

Россия и вообще избирательное право для обоих полов! Россия и политическое равноправие женщины!

Это завоевание пролетариата—одно из величайших достижений русской революции, открывающей собой эру социальной революции.

Но как же завоевали себе гражданские права и равноправие женщины русские работницы? Прибегали ли они для этого к тактике английских суфражисток и всех тех социалисток и рабочих всех стран, которые, когда грянула война, бросились в ряды социал-патриотов, следуя лозунгу «сначала поможемте нашему капиталистическому отечеству победить, а потом будем думать об экономических, социальных и политических требованиях рабочего класса!» Гражданский мир, а не классовая борьба! Сначала давайте работать для капиталистического правительства, содействовать расширению производства военного снаряжения, заменяя мужчин на заводах, мужчин, проливающих свою кровь за интересы финансовых и промышленных королей, сначала давайте поддержим государственную и экономическую жизнь своим женским трудом, сначала давайте самоотверженно рев-

ностно поддерживать «капиталистическое отечество», а потом будем думать о вознаграждении!

Когда война кончится и опять будет восстановлена нормальная жизнь, государство не забудет самоотверженности женщин во время войны, и наградою женщинам будет избирательное право!

Нет, русские социалистки рассуждали иначе. В своем большинстве (в России тоже есть социал-патриотки) они шли плечо к плечу со всей официальной партией, которая с начала войны твердо держалась резолюций международных конгрессов в Штуттгарте и Базеле и лозунгом которой было пробуждать массы, поднимать их на борьбу против войны и использовать критическое положение правительства, вызванное войной, для организованной борьбы только против царизма и за демократию!

Если русская революция была исторически обусловлена объективной обстановкой, если быстрое развитие промышленности, особенно во время войны, делало неизбежным столкновение между отжившим старым режимом, абсолютной монархией, с одной стороны, и развивающейся промышленно-капиталистической буржуазией,—с другой, если нужда, голод, самые различные лишения, связанные с войной, недовольство народа обострились до крайности, то существовал также и субъективный фактор, ускоривший революцию, а именно позиция русских социалистов-интернационалистов по отношению к войне.

Голод толкал массы на восстание, возбуждал массы, а социалистическая партия, путем ясной, сознательной, планомерной работы, пыталась завоевать рабочих и работниц на сторону решительной, сознательной политической борьбы за свободу и хлеб и против войны.

Не воинствующие и враждебные войне элементы в России должны поддерживать работниц, помочь им организовать. Работницы должны идти не в Красный Крест, не в «продовольственные советы», находящиеся в руках правительства и буржуазных либералов, пролетариат должен вести свою собственную политику и прежде всего свергнуть царизм и завоевать политическую свободу для рабочих, для народа. Одновременно он должен бороться и против войны, против империалистической войны и не упустить из виду свою революционную рабочую организацию, которая должна завоевать политическую власть, которая постепенно должна взять на себя все функции государства, помогать нуждающимся, снабжать население хлебом и шаг за шагом осуществлять социализм. Такова была тактика российской социал-демократии и такова была работа, которую вели пролетарские женщины до революции в России и которую они ведут сейчас. Гражданская война—гласил их лозунг. Нечего пугаться возможности того, что она сможет повредить «победе» армии на фронтах. Надо только неукоснительно держаться решений рабочего Интернационала. Надо только непреклонно бороться за свободу, хлеб и мир.

Только эта тактика принесла женщинам в России избирательное право.

И подобно тому, как во Французской революции женщины толкали массы, так и в России жен-

щины из рабочего класса дали первый толчок царизму. 23 февраля (7 марта) тысячи пролетарских женщин отважно и решительно устроили на улицах Петрограда демонстрацию с красными знаменами и воскликнули: Долой войну! Нам не нужно Константинополя! Мы требуем хлеба! Мы требуем свободы!—Этот день будет вписан в истории освобождения рабочего класса, как первый день Великой русской революции. Отважные работницы дали массам первый толчок к революционному восстанию. Пролетарские женщины действовали, как авангард революционной армии. И во время революционной боёбы женщины плечом к плечу с мужчинами дрались с саблей, револьвером, винтовкой в руках. Тысячи женщин пожертвовали жизнью за освобождение России и всего мира от царизма. Неудивительно, что первый номер социалистической газеты «Правда», выходящей в Петрограде, носил лозунг: «Да здравствуют работницы, да здравствует революция!»

Не социал-патриотической готовностью к жертвам, не гражданским миром завоевали русские работницы равноправие: они завоевали его, храня непоколебимую верность старому призыву:

Война—войне! Да здравствует борьба! Да здравствует свобода!

Да здравствует международная солидарность пролетариата!

А. Коллонтай.

Русская революция и маленькие государства.

Наконец, наступила долгожданная весна народов. Весна с грозами, весна с борьбой. Опять «идея марта» стала роковой для старых прогнивших держав. В России революция подняла голову и она не остановится у русских границ.

Русская революция есть только начало того периода общего штурма масс на цитадель империализма, который предсказывал революционный социализм, когда вспыхнула всемирная война.

Всемирная война выкопала могилу старой буржуазной свободе не только в воюющих, но и в нейтральных странах. Она принесла с собой дороговизну, страшную нищету и лишения, поэтому она является предвестником мировой революции.

Но всемирная революция не придет сама собой. Революция станет неизбежной только в том случае, если пролетариат всех стран откажется от непосильного труда, откажется голодать, истекать кровью и умирать за империализм, как теперь уже отказался русский пролетариат.

Можно с разных точек зрения смотреть на русскую революцию. Можно восторженно, с ликованием ее приветствовать. Можно также критиковать ее и быть убежденным, что мы сами сделали бы это гораздо лучше и умнее, чем русские.

Как первый, так и второй взгляд одинаково мало революционный. Революционна сейчас только активная помощь русской революции, помощь собственным делом, собственной борьбой.

Теперь энергия, отвага и воодушевление должны победить традицию и преодолеть страшные препятствия рабского повиновения, отсутствия веры в себя в среде пролетариата. Пролетарский дух и революционная воля должны взять свое.

С захватывающим напряжением мы, социалисты маленьких стран, взираем на пролетариат центральных европейских держав и в первую голову на германских рабочих. Германский пролетариат, теперь решай ты! Мы все, рабочие маленьких нейтральных стран, революционеры Скандинавии, Голландии, Швейцарии взирали к тебе, как к более сильному брату. У тебя мы научились формам борьбы, которые на протяжении долгого времени были единственно возможными, которые на протяжении долгого времени вели нас от победы к победе. Твои великие мыслители и бойцы выдвинули идеи, которые еще и сейчас, подобно звездам, светят нам. Это идеи о единстве классовой борьбы и социализма, об объединении пролетариата всего мира. Пусть же эти идеи станут и для тебя путеводной звездой. Ты нас жестоко разочаровал, но мы не потеряли веры в тебя. Теперь ты можешь опять все исправить, можешь занять подобающее тебе место.

Если бы мы умели еще молиться, как молились бы мы за то, чтобы ты теперь восстал, германский пролетариат!

Но молиться мы не умеем, да и не хотим. Наша религия не имеет ничего общего с религиями праздного созерцания. Мы считаем, что человек кузнец своей судьбы. Мы утверждаем, что великая любовь к пролетариату и к человечеству, глубокое сочувствие, преисполняющее всех нас, тоска по освобождающему народы миру могут быть доказаны только одним путем, только делом.

Что же нам делать в эти дни, юные пролетарии? Что делать революционерам Швеции, Дании, Норвегии и Голландии, Швейцарии и Испании, что им делать теперь, когда они всеми фибрами своей души, каждой каплей своей крови стремятся быть там, где бушует весенняя гроза революции?

Только ожидать? Тосковать? Надеяться? Нет. Мы должны и хотим последовать их примеру, стать активной силой, чтобы содействовать перевороту в Германии, который может сыграть такую громадную роль в истории пролетариата и человечества. Молитвами, тоской мы этого переворота не осуществим, но, быть может, мы осуществим его борьбой?

Разве не везде у нас один и тот же враг? Разве пролетариат не является и в маленьких странах объектом эксплуатации со стороны ли отечественного, со стороны ли чужеземного империализма? Разве не везде военный потоп уничтожил все демократические права или превратил их в бескровную тень истинной свободы? Разве не везде урезано право свободного выражения взглядов? Разве швейцарские рабочие не были лишены права демонстрировать 1-го августа, разве не был лишен этого права голландский пролетариат в июне того же года? Разве в свободной Гельвеции не царит сабля, разве в Испании не были отменены конституционные права, разве значительная часть нашей страны не

объявлена на военном положении? Разве буржуазия всех нейтральных стран своей бессовестной экспортной политикой не затягивает империалистическую войну, доводя массы своего народа почти до голода? От крайнего Востока и до крайнего Запада Европы, от палимых солнцем близких к Африке берегов Средиземного моря и до покрытых льдом и снегом горных краев Швеции и Норвегии несется вопль: «Мы голодаем... Дайте нам хлеба!»

Хлеба и свободы! Только мир может принести их измученным, истомившимся массам. Только мир, которого в борьбе добьются народы, добьются наперекор властителям, тот мир, на борьбу за который восставали наши русские братья.

Разумеется, восстание пролетариата нейтральных стран не является важнейшей ареной великой борьбы за этот мир. Оно, так сказать, лишь второстепенный участок фронта. Но разве мы не являемся сейчас каждый день свидетелями того, как во всемирной войне события на второстепенных участках фронта оказывают влияние на положение на фронтовых участках первостепенной важности? Разве все это самым тесным образом не связано между собой?

Не иначе обстоит дело и с нашей борьбой. Если теперь в нейтральных маленьких государствах массы, побуждаемые и вдохновляемые событиями в России, поднялись бы, движимые требованием «хлеба и свободы», если бы они взяли за глотку милитаризм в своих странах под лозунгом «демократизации», единственно отвечающим революционному лозунгу немедленного открытия мирных переговоров, то не дали бы они тем самым могучего импульса революционному движению в Германии? Разве не совершенно ясно и несомненно, что таково было бы влияние подобного рода восстания в мелких странах?

Побуждать к массовым выступлениям против мобилизации, разоряющей маленькие государства, и против экспортной политики, лишь затягивающей истребительную войну, обрекающей на голод народы,—таков сейчас более чем когда-либо священный долг революционеров всех нейтральных стран. Повторяем: более чем когда-либо! Ибо как знать, в какой мере могут эти выступления оказать непосредственное влияние на рабочий класс центральных держав. Эти выступления являются единственной действительной активной помощью русской революции, единственной помощью, которую мы можем ей оказать. Поощрение таких выступлений одновременно означает ожесточеннейшую борьбу не только против социалпатриотов, но и против всех колеблющихся, половинчатых течений и группировок рабочего класса. Все эти группировки сознают необходимость борьбы против империализма, национализма и милитаризма, борьбы за хлеб, свободу и мир.

Генриетта Ролланд-Хольст.

Ларен (Голландия),
2 апреля 1917 г.

